

КВИТАНЦІЯ № 12111

ОБЩЕСТВА ДЛѢ ДОСТАВЛЕНІЯ СРЕДСТВЪ ВЫСШИМЪ ЖЕНСКИМЪ КУРСАМЪ.

Отъ Г[№] *Грабаръ Владиміра Ивановича*

Получено *десять (10) р.*

Взносъ за 19 *04* годъ *и 1905*

~~Пожертвованіе~~

С. Марша 1906 г.

Казначей: *А. Карьяновъ*

Комитетъ покорнѣйше просить гг. членовъ помочь дѣлу Общества:

1) доставленіемъ своевременно годовыхъ членскихъ взносовъ и уплатою недоимокъ за прежніе годы;

2) по мѣрѣ возможности содѣйствовать усиленію средствъ Общества сборомъ пожертвованій и привлеченіемъ новыхъ членовъ;

3) увѣдомленіемъ о перемѣнѣ жительства на имя Казначея Общества, А. Ю. Кадынь (Знаменская, 40).

ДИРЕКТОРЪ
С.-ПЕТЕРБУРГСКИХЪ
ВЫСШИХЪ ЖЕНСКИХЪ
КУРСОВЪ.

27 августа 1914 г.
№ 2560

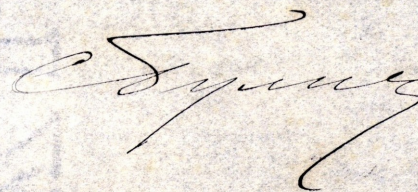
С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Васильевскій Островъ, 10 линия, д. 33.
ТЕЛЕФОНЪ 205-47.

Милостивый Государь

Владиміръ Эммануиловичъ

За Министра Народнаго Просвѣщенія, Товарищъ Министра, предложеніемъ отъ 13 августа с.г. за № 39077, утвердилъ Васъ профессоромъ Петроградскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ по кафедрѣ международного права.

Доволя объ этомъ до свѣдѣнія Вашего, прошу принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и преданности

Его Прев-ству

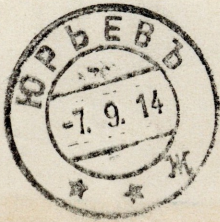
В. Э.

Грабарю.

Деканъ Юридическаго Факультета Петроградскихъ
Высшихъ Женскихъ Курсовъ имѣетъ честь извѣстить Васъ,
что лекціи и практическія занятія на Факультетѣ на-
чнутся 15-го сентября.

5-го сентября 1914 г.

Д. В. гласен вращающегося артиста
Кинематографического Канцелярия

Министерства Внутренних Дел
К. Д. Галаган

Ташкент - Меркент

Римская, 107

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ

Юридической

ИСПЫТАТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ

ПРИ ПЕТРОГРАДСКИХЪ

ВЫСШИХЪ ЖЕНСКИХЪ КУРСАХЪ.

Петроградъ.

Вас. Остр., 10 лин., 33.

Марта 16 дня 1917 г.

№

Милостивый Государь,
Владимиръ Эммануиловичъ.

Имѣю честь покорнѣйше просить Васъ при-
нять участіе въ Юридической Испытательной Ко-
миссіи, имѣющей быть въ субботу, 18 марта въ
8 часовъ вечера, въ качествѣ экзаменатора по
международному праву.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ
почтеніи и таковой же преданности ,

За Предсѣдателя

ДИРЕКТОРЪ
ПЕТРОГРАДСКИХЪ
ВЫСШИХЪ ЖЕНСКИХЪ КУРСОВЪ.

25 Августа 1917 г.
№ 1846.

Васил. остр., 10 лин., д. № 33.
Телефонъ № 405-47.

УДОСТОВѢРЕНІЕ.

Симъ удостовѣряется, что Владимиръ
Эммануиловичъ Г Р А Б А Р Ъ состоитъ
профессоромъ по каѳедрѣ международнаго
права на Петроградскихъ Высшихъ Женскихъ
Курсахъ. съ 13 августа 1914 года.

Директоръ Курсовъ,

Профессоръ

С. Г. Бар

Дѣлопроизводитель

К. Ю. Шиндлер

Докладъ учрежденной Совѣтомъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ комисіи по выработкѣ формъ сношеній профессорской коллегіи со слушательницами.

Учрежденная Совѣтомъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ комисія для разсмотрѣнія формъ сношеній профессорской коллегіи со слушательницами имѣла шесть засѣданій, изъ которыхъ два съ исполнительной комиссіей слушательницъ.

Комиссія поставила своею цѣлью выяснитъ:

- 1) Какіе мотивы обусловливаютъ стремленіе слушательницъ къ измѣненію сложившагося порядка отношеній.
- 2) Возможно ли осуществить желаемое измѣненіе въ тѣхъ формахъ, которыя указываются слушательницами.
- 3) Не представляется ли возможнымъ намѣтить какую-либо иную форму, которую слушательницы Курсовъ не имѣли въ виду.

Выяснивъ для себя означенные вопросы, комиссія пригласила для дальнѣйшаго освѣщенія ихъ слушательницъ, которыя, съ своей стороны, представили докладъ въ объясненіе своихъ желаній и дали по поводу доклада и на предложенные имъ вопросы устные разъясненія.

Въ результатѣ комиссія пришла къ нѣкоторымъ общимъ выводамъ, излагаемымъ въ нижеслѣдующемъ докладѣ.

I.

При разсмотрѣніи вопроса о формахъ сношеній профессорскихъ коллегій съ учащимися въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ прежде всего необходимо уяснить тѣ мотивы, которые вызываютъ потребность въ измѣненіи сложившагося порядка этихъ сношеній. При этомъ невозможно сослаться на необходимость удовлетворить желаніе учащихся въ силу одного его возникновенія и во избѣжаніе обостренія отношеній съ ними: въ педагогическомъ дѣлѣ каждое желаніе учащихся должно быть взвѣшено съ точки зрѣнія своего соотвѣтствія потребностямъ этого дѣла и не можетъ быть принято само-по-себѣ въ силу простого факта своего заявленія.

При этомъ необходимо указать мотивы, имѣющіе положительное содержаніе и значеніе.

Такихъ мотивовъ приводится обыкновенно два:

- 1) Право учащихся на *участіе въ управленіи въ автономной* высшей школѣ, по крайней мѣрѣ по тѣмъ вопросамъ, которые ихъ касаются.
- 2) Потребность *взаимнаго освѣдомленія* относительно взглядовъ и предположеній учащихся и учащихся въ дѣлахъ возможнаго соглашенія, путемъ участія представителей учащихся въ предварительной разработкѣ извѣстныхъ вопросовъ.

Эти два мотива представляютъ собою, вмѣстѣ съ тѣмъ, тѣ двѣ ~~основныхъ~~ основныхъ формы, къ которымъ обыкновенно сводится участіе въ дѣлахъ какихъ либо рѣшающихъ органовъ. Если говорятъ иногда о *правѣ на совмѣстное обсужденіе* тѣхъ или иныхъ вопросовъ, то надо сказать, что это понятіе не имѣетъ строго опредѣленнаго содержанія, ибо весь вопросъ заключается въ томъ, какъ проявляется это совмѣстное обсужденіе—въ совмѣстномъ ли *рѣшеніи* извѣстныхъ дѣлъ или же только во *взаимномъ освѣдомленіи*. Когда говорятъ о *правѣ на совмѣстное обсужденіе*, употребляютъ терминъ, покрывающій обѣ основныхъ формы участія въ дѣлахъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оставляющій неяснымъ мотивъ, которымъ вызывается это обсужденіе.

Каждый изъ приведенныхъ выше двухъ мотивовъ участія въ дѣлахъ имѣетъ свое особое и самостоятельное значеніе. Различна должна быть ихъ оцѣнка, различны и послѣдствія, изъ нихъ вытекающія.

Право учащихся на управленіе высшей школой необходимо должно привести къ допущенію ихъ въ совѣты и факультеты съ *рѣшающимъ* голосомъ. Совѣщательный голосъ не соотвѣтствуетъ этой цѣли, такъ какъ онъ означаетъ привлеченіе въ рѣшающія и управляющія коллегіи не для управленія, а для освѣдомленія. Но само это право на участіе учащихся въ управленіи высшей школой далеко не представляется безспорнымъ и яснымъ требованіемъ, подлежащимъ немедленному удовлетворенію, какимъ его склонны разсматривать сами учащіеся.

Несомненно, что требование, заявленное учащимися в этой форме, в основе своей имеет здоровое зерно, а именно желание согласного и примирительного разрешения некоторых вопросов, волнующих академическую жизнь. Потребность в этом особенно ярко ощущается в последние годы политических движений, отразившихся на жизни высшей школы; эта потребность выдвинута жизнью, но по условиям времени она сочеталась с совершенно инородными стремлениями и облеклась в такую форму, которая совершенно не соответствует ее существу. Ближайшие поводы к формулированию этой потребности имели лишь второстепенное отношение к чисто академическим нуждам высшей школы: впервые эта потребность была высказана при решении вопросов об открытии и закрытии высших учебных заведений, каковые вопросы влиятельные и организованные круги учащихся ставили в связь, главным образом, с интересами политическими и даже партийными.

Неоспоримая потребность академической жизни к сближению и соглашению учащихся и учащихся, войдя в сочетание с чисто-политическими стремлениями, охватившими все русское общество, отразила на себе эти стремления и получила выражение, противоречащее ее существу. На отношения учащихся и учащихся перенесены были взгляды, заимствованные из обихода политической жизни, а именно высшую школу стали разсматривать как политическую организацию, учащихся и учащихся, как управляющих и управляемых, и стали требовать определения их взаимоотношения при помощи особой конституции (этот термин был в ходу среди московских студентов в 1905 году). Стали видеть в учащихся и учащихся два враждебных стихии, два противостоящих друг другу корпорации, из которых одна должна отстаивать и добывать свои права в борьбе с другою.

Вся эта политическая интерпретация академических явлений и потребностей имеет свое объяснение в пережитых высшей школой условиях; но при определении нормального порядка отношений в высшей школе мы должны отбросить всю эту совокупность политических понятий, которая лишь затемняет вопрос.

В школе нет управляемых и управляющих в политическом смысле этого слова: все управление, о котором здесь может идти речь, исчерпывается нуждами учебного дела, в отношении к которому учащие являются в известной мере так же управляемыми, как учащиеся. Ни о какой борьбе, ни о каком отстаивании прав учащихся перед учащими здесь не может быть и речи: в автономной школе, располагающей своим внутренним распорядком, все основательные требования учащихся могут быть удовлетворены на основании их заявлений, поскольку они не противоречат интересам учебного дела; все же противоречащее этим интересам вовсе не может подлежать удовлетворению, как бы ни хотели профессорские коллегии считаться с заявлениями учащихся. Во всяком случае там, где отношения учащихся к учащим принимают характер борьбы и завоевания прав, там правильная академическая жизнь прекращается: в такой атмосфере нормальная научная и преподавательская работа немыслима. Для того чтобы правильно оценить вопрос об участии учащихся в управлении высшей школой, надо исходить не из внешних академической жизни политических соображений и точек зрения, а из разсмотрения внутреннего строя и потребностей самой высшей школы. Разсмотрение вопроса с этой точки зрения должно привести к убеждению, что в высшей школе типа высших женских курсов участие учащихся в управлении не может быть принято.

В историческом прошлом мы знаем тип высшей школы, в которой не только участие в управлении, но главное управление принадлежало учащимся. Таков средневековый университет—*universitas magistrorum et scholarium*,—в которых и ректор бывал иногда из среды учащихся. Внутренний строй университетов этого типа всецело объясняется особыми условиями их образования. Такие университеты создавались самими учащимися, по их инициативе и по их плану. А основным ядром университета являлась именно корпорация учащихся, которая выбирала из своей среды лиц для заведывания всеми делами университета. Учащиеся нередко бывали старше учащихся, иногда они занимали высокое общественное положение. Такой порядок всецело предполагал известную простоту самого университетского дела, в смысле несложной постановки в нем преподавания и научных занятий. Это был тип схоластического университета, державшегося в своем преподавании традиционных путей и готовых образцов. Если повсюду на западе этот тип управляемого студентами университета сменился иным типом университета, управляемого автономной профессорской коллегией, то это объясняется прежде всего необычайным ростом науки и преподавания в новое время. Задачи и условия научной постановки преподавания настолько переросли в новое время узкие рамки схоластического университета, что учащиеся оказались не в силах ни содержать новый универси-

тетъ, ни руководить его умственной научной жизнью. Профессора начинаютъ постепенно играть все большую роль въ управленіи университета, пока, наконецъ, не становятся во главѣ университетскаго дѣла. Если въ средневѣковомъ университетѣ подборъ преподавателей и программа занятій опредѣляется исключительно потребностями и желаніями учащихся, а учащіе являются въ университетъ лишь приглашенными по вольному найму и въ силу договора съ учащимися, при чемъ въ опредѣленіи программы занятій, по существу отношеній, имъ принадлежитъ лишь совѣщательная роль,—въ новомъ университетѣ отношенія мѣняются. Высшая школа новаго типа, образуемая по плану, вырабатываемому не учащимися, установленному въ соотвѣтствіи съ сложными государственными, общественными и культурными потребностями, требующая затраты огромныхъ средствъ и крайне сложной организаціи научныхъ и учебныхъ учреждений и пособій,—по самому существу дѣла—выдвигаетъ на первый планъ профессорскія коллегии. Организациа высшей школы въ отличіе отъ среднихъ вѣковъ совершается здѣсь не снизу, а сверху, и это мѣняетъ весь обликъ школы.

Сложность учебно-ученыхъ учреждений новаго типа, поставивъ во главѣ ихъ профессорскія коллегии, вмѣстѣ съ тѣмъ обусловила самостоятельность, автономность этихъ коллегій, которую должно было признать за ними государство.

Трудное дѣло постановки научнаго и учебнаго дѣла въ высшей школѣ необходимо требовало, чтобы это дѣло было поручено лицамъ, специально съ нимъ знакомымъ и непосредственно съ нимъ соприкасающимся. Приемы и программы преподаванія, ходъ практическихъ занятій и, наконецъ, все направленіе научной работы въ высшей школѣ непремѣнно требуютъ самостоятельности преподавательской коллегии. Необходимымъ условіемъ этой самостоятельности является право самопополненія путемъ кооптаци, которое даетъ возможность данной коллегіи принимать въ свою среду лишь тѣхъ членовъ, которые по ея воззрѣніямъ способны принять участіе въ совмѣстной и дружной научной работѣ на пользу общаго дѣла. Этимъ важнымъ правомъ автономная академическая коллегія, съ принципиальной точки зрѣнія, не можетъ поступиться ни въ чью пользу: ни въ пользу государственныхъ органовъ высшаго учебнаго управленія, ни въ пользу какихъ-либо общественныхъ органовъ или организацій учащихся. Возможно представить, что и при современныхъ условіяхъ могутъ открываться курсы лекцій, организуемые самими слушателями. Выборъ преподавателей, планъ занятій, равно какъ и весь распорядокъ чтенія лекцій можетъ здѣсь зависѣть отъ слушателей. Но трудно предположить, чтобы на этихъ основаніяхъ могло создаться сложное учебное дѣло, сообразованное въ своей постановкѣ не со взглядами періодически мѣняющихся въ своемъ составѣ слушателей, а съ нѣкоторыми постоянными и требующими постоянной организаціи потребностями культурной, общественной и государственной жизни.

Еще труднѣе представить себѣ смѣшанный типъ управленія высшей школы, въ которомъ профессорская коллегія дѣйствуетъ совмѣстно съ представителями учащихся, какъ равноправными членами общихъ органовъ, стоящихъ во главѣ учебнаго дѣла. Можно навѣрное предсказать, что именно этотъ типъ, вмѣсто того, чтобы принести тѣ выгоды, которыя отъ него ожидаютъ въ смыслѣ устраненія взаимныхъ недоразумѣній между учащими и учащимися, послужитъ обильнымъ источникомъ новыхъ осложненій и конфликтовъ. Это становится яснымъ, если требованіе равноправнаго и рѣшающаго голоса учащихся провести послѣдовательно и до конца. Проводя это требованіе въ полной силѣ, слѣдовало бы признать, что учащіеся имѣютъ въ рѣшающемъ органѣ (совѣтѣ) по крайней мѣрѣ столько же голосовъ, сколько профессора. Рѣшающій голосъ есть именно *рѣшающей*, т.-е. такой, съ согласія котораго только и можетъ быть принято извѣстное рѣшеніе. Но для этого недостаточно имѣть въ Совѣтѣ лишь небольшое количество голосовъ, хотя бы и равноправныхъ съ другими, ибо они могутъ постоянно теряться здѣсь въ преобладающемъ большинствѣ другихъ голосовъ. „Участіе въ законодательствѣ съ рѣшающимъ голосомъ“, какъ называютъ иногда свое желаніе учащіеся, никогда еще и нигдѣ не проявлялось въ такой формѣ, какъ введеніе небольшого количества заинтересованныхъ лицъ въ значительно превосходящую ихъ по числу коллегію, на рѣшеніе которой они желаютъ оказывать свое вліяніе. Если указываютъ, что рѣшающую роль эти введенные члены могутъ играть въ тѣхъ случаяхъ, когда основной составъ коллегии разбивается около двухъ противоположныхъ мнѣній, то для этого все-таки нужно, чтобы введенныхъ членовъ было достаточное количество, и притомъ для каждаго отдѣльнаго случая различное, такъ какъ численность той стороны, которую имъ надобно перевѣшивать, есть величина колеблющаяся, а не постоянная. Вообще говоря, утверждать свой рѣшающій голосъ на разногласіи основнаго состава коллегии—не значитъ ли ставить всѣ академическія отноше-

нія на очень шаткую и даже опасную почву? Не значить ли это обострять и подчеркивать возможные разногласія, вмѣсто того, чтобы примирять ихъ и сглаживать?

Если хотять идти до конца въ заимствованіи политическихъ терминовъ и формъ, то слѣдовало бы „участіе съ рѣшающимъ голосомъ въ законодательныхъ правахъ Совѣта“ сдѣлать дѣйствительнымъ, а не только номинальнымъ. Слѣдовало бы сдѣлать такъ, чтобы учащіяся имѣли равный голосъ съ учащими въ рѣшеніи академическихъ дѣлъ и чтобы только *при согласіи обѣихъ сторонъ* извѣстныя рѣшенія могли получить свою силу. Съ отвлеченной точки зрѣнія такой порядокъ и представлялся бы наилучшимъ и наиболѣе обезпечивающимъ спокойное теченіе академической жизни. Однакожъ, на практикѣ онъ можетъ оказаться наименѣе подходящимъ. Онъ хорошъ для тѣхъ случаевъ, когда согласіе устанавливается само собой въ зависимости отъ характера дѣла, на которомъ обѣимъ сторонамъ легко сойтись. Но онъ никуда не годится въ тѣхъ случаяхъ, когда согласія достигнуть нельзя, вслѣдствіе различія точекъ зрѣнія на предметъ и по вопросамъ кореннымъ и принципиальнымъ. Думать, что въ такихъ вопросахъ профессорская коллегія могла бы отказаться отъ своего взгляда на тѣ или другіе вопросы учебной жизни, это значило бы предположить, что она не относится къ этимъ вопросамъ съ достаточной серьезностью. Полагаться на то, что разногласіе могло бы уладиться съ теченіемъ времени при новыхъ и новыхъ переговорахъ, часто невозможно уже потому, что во многихъ случаяхъ рѣшеніе должно быть принято немедленно, напр., по вопросу о закрытіи учебнаго заведенія. Допущеніе параллельнаго рѣшающаго голоса учащихъ для всѣхъ случаевъ разногласій между учащимися и учащими не только не устранило бы между ними конфликтовъ, а напротивъ—придало бы этимъ конфликтамъ болѣе длительный и затяжной характеръ и создало бы еще большую остроту отношеній. Профессорскія коллегіи, лишенныя возможности принимать какія-либо рѣшенія безъ согласія учащихъ, часто были бы поставлены этимъ въ безвыходное положеніе. Въ то же время учащіяся, не видя согласія съ своими взглядами со стороны учащихъ, съ которыми они были бы уравнены въ правахъ, нисколько не менѣе, чѣмъ теперь, имѣли бы поводовъ протестовать противъ оспариваемыхъ ими положеній. Академическая жизнь была бы еще болѣе, чѣмъ теперь, подвергнута опасностямъ разстройства и приостановки.

Могутъ сказать, что всѣ эти предположенія основаны на односторонней предпосылкѣ,— на мысли о возможныхъ конфликтахъ между учащими и учащимися. Но вѣдь вся предпологаемая конструкція академическихъ отношеній строится въ виду существующихъ конфликтовъ и для ихъ устранения. Мы рѣшительно можемъ утверждать, что предлагаемое средство для исцѣленія существующихъ бѣдствій явится источникомъ новыхъ бѣдствій. Что оно приведетъ къ выходу изъ высшихъ учебныхъ заведеній цѣлаго ряда профессоровъ, къ неустойчивости и колебаніямъ въ академическихъ отношеніяхъ и къ полному разстройству и упадку высшей школы, это для насъ несомнѣнно. Многие изъ учащихъ, добивающихся рѣшающаго голоса, можетъ быть, скажутъ, что они вовсе не хотять ставить вопросъ въ такой рѣзкой формѣ, что подъ рѣшающимъ голосомъ они разумѣютъ нѣчто совершенно иное, а именно не рѣшающій голосъ учащихъ въ лицѣ ихъ представителя, а только равноправное съ профессорами участіе въ рѣшающихъ органахъ. Но, какъ сами они понимаютъ, это даетъ имъ не юридическое равенство съ профессорами, а только извѣстное нравственное вліяніе. Вся бѣда этого плана заключается въ томъ, что, будучи заимствованнымъ въ своей исходной идеѣ изъ политическихъ отношеній, онъ не продумываетъ эту идею до конца: средство не отвѣчаетъ здѣсь цѣли, а вся конструкція въ корнѣ извращаетъ то отношеніе, къ которому прилагается. По существу дѣла тотъ рѣшающій голосъ, о которомъ говорятъ въ этомъ случаѣ, весьма близокъ къ совѣщательному голосу, и неудивительно, если нѣкоторые изъ защитниковъ этого положенія склоняются къ тому, что въ случаѣ невозможности получить рѣшающій голосъ, можно удовлетвориться и совѣщательнымъ. Для того, кто требуетъ дѣйствительнаго рѣшающаго голоса, какъ это имѣетъ мѣсто въ политическихъ отношеніяхъ, совѣщательный голосъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ являться приемлемой замѣной рѣшающаго голоса, и самъ по-себѣ представляется недостаточнымъ. Между тѣмъ, въ настоящій моментъ учащіяся готовы удовольствоваться совѣщательнымъ голосомъ. Самое желаніе ихъ быть допущенными въ извѣстномъ небольшомъ количествѣ въ рѣшающую профессорскую коллегію соответствуетъ именно существу совѣщательнаго представительства, которое можетъ и не составлять особой коллегіи, а входитъ въ данную рѣшающую коллегію съ правомъ голоса совѣщательнаго или рѣшающаго: даже и надѣленные рѣшающимъ голосомъ представители при этихъ условіяхъ играютъ собственно роль экспертовъ, вызываемыхъ для освѣдомленія и совѣта; никакого самостоятельнаго права, вытекающаго изъ ихъ обособленнаго и независимаго положенія, никакого рѣшающаго значенія они не имѣютъ; при

голосованіи ихъ голоса идутъ въ общій счетъ и входятъ въ общую волю, образующуюся въ данномъ собраніи. Итакъ, то, чего добиваются въ этой формѣ, подъ именемъ равноправнаго участія въ рѣшающихъ коллегіяхъ съ цѣлью вліянія на ходъ академическихъ дѣлъ, есть въ сущности совѣщательное представительство: большой разницы въ томъ, будутъ ли отдѣльные члены, введенные въ эти коллегіи, надѣлены рѣшающимъ или совѣщательнымъ голосомъ, тутъ нѣтъ, и практически это довольно безразлично; различіе здѣсь скорѣе отвлеченно-принципіальное. *И для того, кто отрицаетъ эту форму, одинаково неизбѣжно отрицать ее какъ съ рѣшающимъ, такъ и съ совѣщательнымъ голосомъ.* Всего менѣе она можетъ удовлетворить тѣхъ, кто добивается рѣшающаго вліянія на постановленія законодательнаго органа (какъ выражаются иногда слушатели высшихъ учебныхъ заведеній). Въ концѣ концовъ все это требованіе, воплощенное въ такую форму, надо признать въ высшей степени неопредѣленнымъ и страдающимъ полной неясностью, какъ въ своихъ исходныхъ положеніяхъ, такъ и въ своихъ конкретныхъ заявленіяхъ.

Не удовлетворяя предположенной цѣли, совѣщательное представительство и само-по-себѣ вызываетъ самыя серьезные возраженія. Для политика и юриста нѣтъ формы болѣе несовершенной, чѣмъ эта, и для политической науки можно считать избитой истиной и неоспоримой аксіомой, что совѣщательное представительство есть полумѣра, не отвѣчающая никакой существенной потребности. Всего менѣе она можетъ быть принята, какъ прочное и правильное разрѣшеніе вопроса: по самой своей природѣ она является формой переходною, которая берется лишь какъ временный компромиссъ, за которымъ должны послѣдовать дальнѣйшія требованія. Можно сказать безъ всякаго колебанія, на основаніи совершенно точныхъ данныхъ политической науки, что эта форма всегда заключаетъ въ себѣ *implicite*—желаніе получить большее, т.-е. настоящее и рѣшающее участіе въ управленіи и дѣлахъ, и потому тотъ, кто отрицаетъ послѣднее, долженъ отрицать и первое.

Но совѣщательное представительство можно защищать и съ другой точки зрѣнія. Можно говорить, что если оно не пригодно какъ форма рѣшающаго вліянія на управленіе, то оно вполне приемлемо какъ средство освѣдомленія. Такая защита возможна, хотя она сама по себѣ будетъ представлять нѣкоторое недоразумѣніе: одна сторона будетъ разсматривать ее какъ форму вліянія на дѣла, другая—какъ средство освѣдомленія. Тутъ окажется съ обѣихъ сторонъ недоговоренность и неясность. Допустимъ, однако, что эта неясность будетъ устранена, и что вмѣстѣ съ принятіемъ совѣщательнаго представительства будетъ совершенно опредѣленно разъяснено, что все отношеніе ставится на почву взаимнаго освѣдомленія и что обѣ стороны это примутъ. Можно ли въ такомъ случаѣ признать, что эта форма будетъ цѣлесообразнымъ средствомъ устроенія взаимныхъ отношеній учащихъ и учащихся.

Мы имѣемъ всѣ основанія отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно, и притомъ по цѣлому ряду вѣскихъ и рѣшающихъ соображеній.

Прежде всего несомнѣнно, что для освѣдомленія слушательницъ съ совѣтскими рѣшеніями присутствіе ихъ съ совѣщательнымъ голосомъ въ засѣданіяхъ Совѣта является, съ одной стороны, недостаточнымъ и недостигающимъ цѣли, а съ другой стороны излишнимъ и стѣсняющимъ ходъ совѣтскихъ засѣданій. Если указываютъ на то, что такимъ образомъ учащіеся изъ первоисточника будутъ знать мнѣнія Совѣта—то ознакомленіе съ первоисточникомъ будетъ относиться только къ представителямъ учащихся, всѣ же остальные будутъ знакомиться уже черезъ своихъ представителей и при полной невозможности запомнить пренія, которыя не стенографируются, слушатели будутъ знакомиться съ происходящимъ въ Совѣтѣ въ субъективной передачѣ своихъ представителей. Уловить весь ходъ сужденій и взвѣсить выраженные различными членами Совѣта мнѣнія, относясь къ нимъ вполне объективно,—это задача крайне трудная, если не совершенно непосильная. Она становится совершенно невыполнимою въ тѣхъ случаяхъ, когда слушатели взволнованы какимъ-либо вопросомъ и относятся къ нему съ нервной напряженностью, т.-е. именно тогда, когда особенно важно избѣгать острыхъ конфликтовъ путемъ хладнокровнаго и спокойнаго отношенія къ дѣлу. Съ другой стороны присутствіе представителей учащихся въ Совѣтѣ во время происходящихъ въ немъ преній направить вниманіе представителей не на ту сторону, которая является особенно важной, а на ту, которая для авторитетности совѣтскихъ рѣшеній представляется второстепенной. Авторитетъ коллегіи въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ того, что она выступаетъ, какъ цѣлое; значеніе ея постановленій возрастаетъ, если они сообщаются съ подробными мотивами, изложенными со всей строгой обдуманностью документовъ, предназначенныхъ къ опубликованію. Присутствуя при преніяхъ, учащіеся, напротивъ, будутъ знакомиться не съ окончательными результатами совѣтской работы, а съ ея подготовленіемъ. Мнѣніе коллегіи въ ихъ глазахъ будетъ разсыпаться на мнѣнія отдѣльныхъ лицъ. Естественно, что они придадутъ большее

значеніе тѣмъ мнѣніямъ, которыя будутъ болѣе близки къ ихъ собственнымъ взглядамъ; возраженія, напротивъ, получаютъ меньшій вѣсъ. Въ результатѣ, вмѣсто объективнаго освѣдомленія, получится одностороннее освѣщеніе происходившихъ въ Совѣтѣ преній и обостреніе конфликта въ тѣхъ случаяхъ, когда совѣтскія постановленія не будутъ соотвѣтствовать взглядамъ учащихся.

Нельзя не указать также на второстепенное, но при современномъ строѣ неизбежное обстоятельство, что совѣты нуждаются иногда въ закрытыхъ засѣданіяхъ. Это обстоятельство имѣетъ мѣсто во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда приходится обсуждать вопросы, возникающіе въ зависимости отъ распоряженій общей администраціи. То, что уладилось бы при болѣе хладнокровномъ обсужденіи въ средѣ профессорской коллегіи, можетъ повести къ чрезвычайно серьезнымъ послѣдствіямъ вслѣдствіе присутствія молодежи, которую трудно будетъ удержать отъ перенесенія вопросовъ, при этомъ возникающихъ, на широкое обсужденіе среди учащихся, отъ протестовъ и заявленій, которые могутъ лишь принести вредъ общему дѣлу.

Наконецъ, слѣдуетъ обратить вниманіе и на то обстоятельство, что потребность освѣдомленія, существующая одинаково какъ для учащихся, такъ и для учащихся, заставляетъ желать, чтобы это освѣдомленіе происходило еще до совѣта, въ той стадіи, когда готовятся данныя для совѣтскаго рѣшенія, и когда самое это рѣшеніе уже слагается въ общихъ очертаніяхъ—таковы задачи подготовительной совѣтской комиссіи. Одинаковое для обѣихъ сторонъ участіе въ этомъ подготовленіи можетъ быть и важно и полезно и является въ высшей степени желательнымъ.

Въ заключеніе мы не можемъ не указать, что ознакомленіе съ мотивами, которые заставляютъ слушателей высшихъ учебныхъ заведеній ставить требованіе о допущеніи ихъ въ совѣты, еще болѣе подчеркиваетъ значеніе всѣхъ приведенныхъ нами соображеній. Два вопроса въ особенности указываются слушателями, какъ такіе, по которымъ они желали бы, чтобы ихъ голосъ былъ услышанъ,—вопросъ объ открытіи и закрытіи высшихъ учебныхъ заведеній и вопросъ о собраніяхъ. Но оба эти вопроса ставятся слушателями въ связъ не съ академическими интересами, а съ политическими, и въ этомъ отношеніи трудно достигнуть какого-либо соглашенія учащихся и учащихся.

Если учащіеся требуютъ открытія высшей школы для того, чтобы превратить ее въ революціонную трибуну; если они рассматриваютъ помѣщеніе высшихъ учебныхъ заведеній какъ находящееся въ положеніи экстерриториальности,—согласиться съ этимъ профессорская коллегія не можетъ, и прежде всего потому, что это подвергаетъ опасности самое существованіе этихъ учебныхъ заведеній.

Сколь бы высоко профессорскія коллегіи и отдѣльные ихъ члены ни цѣнили политическіе интересы, они не могутъ санкціонировать внесенія этихъ интересовъ въ стѣны высшихъ учебныхъ заведеній и въ особенности въ той мѣрѣ, которая подвергаетъ риску самое существованіе этихъ, учебныхъ заведеній. Для мнѣняющихся поколѣній молодежи, періодически оставляющихъ стѣны академій и съ нетерпѣливой страстностью стремящихся сразу и одновременно преслѣдовать въ этихъ стѣнахъ и политическія и научныя цѣли, всегда будетъ естественно смѣшивать академію со школой политической борьбы. Для профессоровъ, призванныхъ стоять на стражѣ науки, академія есть прежде всего академія, и наука сама по себѣ — величайшая культурная цѣнность, которая требуетъ бережнаго отношенія къ ея интересамъ и преданнаго служенія имъ. Въ тѣ моменты, когда это разногласіе чувствуется съ особенной силой никакія согласительныя камеры и никакія совмѣстныя совѣщанія не помогутъ. Но такіе моменты рѣдки и скоропреходящи; при обыкновенныхъ же условіяхъ установить нормальное отношеніе учащихся и учащихся не представляется затруднительнымъ. Надо только отрѣшиться отъ внесенія въ эти отношенія неподходящихъ точекъ зрѣнія политическаго обихода и упростить вопросъ введеніемъ его въ обычныя рамки, опредѣляемыя потребностями академической жизни.